

Н.К. Михайловский

Сочинения

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Михайловский**
Сочинения: Том 6 / Н.К. Михайловский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 529 с.

ISBN 978-5-518-01135-9

ISBN 978-5-518-01135-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
9	7	сверху	вѣка
25	32	"	атеистомъ
38	32	"	въ
42	18	"	безъ воспоминанія
48	22	"	поцѣловать
58	25	снизу	они
65	7	сверху	какъ будто
83	27	"	по
83	31	"	въ другихъ
89	28	снизу	въ послѣднее
100	28	"	пнд
101	29	"	предѣлы
108	18	"	чтобы
111	18	"	которыя
113	31	"	простыя
114	18	сверху	вносить
127	17	"	установившагося
131	32	"	ограниченный
"	24	снизу	неизмѣнная
146	11	сверху	пробыль
158	21	"	комбинаціи
160	12	снизу	дѣло
162	22	сверху	касъ
"	1	снизу	пронинуты
163	14	"	и съ каждымъ возрастая растаян
170	22	сверху	беллетристическомъ
178	11	"	заигрываетъ
185	8	"	настолько
222	15	снизу	Спрашивается
235	26	сверху	пессимизма
238	11	снизу	придумываетъ
242	3	сверху	стремятся
269	11	снизу	передъ ними
273	17	"	порядку
281	23	сверху	къ 1873 г.
291	11	"	забываютъ
"	8	снизу	въ
293	10	сверху	улицы
295	15	снизу	официальною
296	17	сверху	Книстамъ
"	21	снизу	абстракціи
297	27	сверху	гипотетическое
301	22	"	конкретномъ
309	26	"	quasi
320	11	снизу	непреодолимой
321	1	"	прекрасной
327	26	сверху	видала
339	18	"	Кромѣ того
352	5	снизу	происхожденіи
353	6	сверху	и
356	8	снизу	существа
365	12	"	къ
366	11	сверху	основателемъ
369	26	снизу	украшающихъ
380	25	сверху	Толстого
425	80	снизу	ихъ
441	32	сверху	тропиками
456	28	снизу	пробивался
458	18	сверху	паеоса
466	8	"	же
"	26	снизу	Яковенко
"	15	"	Яковенко
474	28	сверху	подчеркиваю
475	15	"	отъ

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
483	7 "	всето	всего
"	18 "	янца	янца
491	26 снизу	правами	правами
508	21 "	Базьаку	Базьаку
529	88 сверху	къ	въ
554	7 снизу	праву	правду
578	1 сверху	одереня	одаренныя
"	35 "	протовннками	противниками
588	6 "	выкотаю	выколано
605	8 "	вс	все
625	22 снизу	знакоменосцемъ	знаменосцемъ
638	1 сверху	наордномъ	народномъ
"	7 "	устроилася	устроилася
634	29 "	примущество	преимущественно
641	24 "	ultima ratio	ultima ratio
650	8 "	победеги	побереги
657	28 снизу	разнообразныя	разнообразныя
658	15 сверху	литературнымъ	литературнымъ
660	16 "	гг	гг.
"	28 "	м	и
"	2 снизу	пойдтъ	пойдетъ
622	27 "	Чичикова	Чичикова
673	22 сверху	оказываются	оказываются
693	4 снизу	Вильянь	Вильянь
698	22 "	Вопреки	Вопреки
702	5 сверху	станицы	страницы
710	8 снизу	до	до
713	15 сверху	этото	этого
719	18 снизу	эрудицію	эрудицію
720	21 сверху	общестна	общества
724	13 снизу	свова	снова
732	28 "	налажденія	наслажденія
7 6	26 "	Минскій	Минскій
749	25 "	поку ателей	покупателей
748	28 "	прельсить	прельстить
770	27 сверху	не нуужно	не нужно
772	33 "	возращается	возвращается
773	8 снизу	иделы	идеалы
785	34 сверху	Сталтыковъ	Сталтыковъ
789	29 "	тъкъ	такъ
791	23 снизу	прогрессомъ	прогрессомъ
799	27 "	дезертировъ	дезертировъ
807	15 "	соотвѣтствующимъ	соответствующимъ
830	27 сверху	находнтъ	находятъ
833	32 "	производимага	производимого
888	23 "	Ггап	Гап
"	7 снизу	перспективы	перспективы
848	7 сверху	ассоциаци	ассоциаци
863	26 "	претенденты	претенденты
869	13 "	розыскааніе	розысканіе
873	18 "	по сороку	по сорока
890	26 "	стастъ	стать
918	5 "	дуеть	даетъ
923	17 снизу	въ	въ
939	15 "	плащъ	плащъ
946	10 "	къ нему	къ небу
956	10 "	для	для
966	10 "	теперь	а теперь
980	2 "	Арсенія	Арсенія
981	20 "	изволнованность	взволнованность
993	4 сверху	твѣге	твѣге
1003	14 "	настроений	построений
1004	8 снизу	Карновичу	Карновича
1009	7 "	скарбезень	скарбезень
1024	16 сверху	„ироническими“	герическими

Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель *)).

Романы и повѣсти Ф. М. Вольтера. Переводъ Н. Н. Дмитриева. Спб. 1870 г.

Voltaire, Sechs Vorträge von David Strauss. Leipzig, 1870.

I.

Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что издатель или переводчикъ повѣстей Вольтера не снабдилъ своей книги предисловіемъ. Въ этомъ отношеніи непремѣнно слѣдовало-бы руководствоваться благимъ примѣромъ г. Библикова, трудолюбиваго издателя «классическихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка», который, между прочимъ, готовитъ къ изданію, какъ видно изъ объявленій, и собраніе сочиненій Вольтера и, безъ сомнѣнія, постарается при этомъ случаѣ объяснить историческое значеніе «царя мысли» XVIII вѣка. Относительно Вольтера это нужнѣе, чѣмъ относительно кого-либо, и его повѣсти и романы отнюдь не могутъ подлежать въ этомъ отношеніи исключенію. По своей живой, впечатлительной, отзывчивой натурѣ, Вольтеръ не могъ служить такъ называемому чистому искусству и запереться въ магическій кругъ «звуконъ сладкихъ и молитвъ». Въ формы повѣсти, философскаго трактата, трагедіи, полемическаго статьи онъ выливалъ всегда всего себя со всѣми волновавшими его въ данную минуту мыслями и чувствами, и потому его мнѣнія о различныхъ вопросахъ науки и жизни могутъ быть усмотрѣны изъ его беллетристическихъ произведеній столь же наглядно ясно, какъ изъ «Traité de Méta-physique», изъ «Essai sur les Mœurs» или изъ статей «Философскаго Словара». Мало того, онъ часто, какъ, напримѣръ, въ «Исторіи Женни», въ разсказѣ «Уши графа Честерфильда» и проч., прямо вставлялъ цѣлыя научныя и философскія трактаты въ формѣ діалога. Специально эстетическому суду повѣсти и романы Вольтера не подлежатъ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы только кое-какія неважныя замѣчанія. Такъ, Штраусъ указываетъ, какъ на люби-

мый приемъ Вольтера, странствованія героевъ по самымъ разнообразнымъ государствамъ, народамъ («Свѣтъ, какъ онъ есть», «Исторія путешествій Скарментадо», «Похвальное слово разуму»), даже по разнымъ частямъ свѣта («Кандидъ», «Письма Амабеда», «Исторія Женни»), даже, наконецъ, по разнымъ мірамъ («Микромегасъ»). Но приемъ этотъ, предоставляющій въ распоряженіе сатирика такую широкую канву, отнюдь не составляетъ какой-нибудь особенности Вольтера, потому что употреблялся и до него, и послѣ него, и особенно въ сатиру. Можно замѣтить, вмѣстѣ съ Геттнеромъ, что всѣ почти повѣсти Вольтера имѣютъ фантастическій характеръ, сюжетъ и краски заимствованы въ нихъ, большею частью, изъ восточныхъ сказокъ, вслѣдствіе чего нельзя искать въ нихъ характеровъ, типовъ. Исключеніе составляетъ только «Простодушный» (вѣрнѣе было-бы перевести французское *Ingénu* русскимъ «дитя природы»). Но все это не важно. Форма у Вольтера всегда отступаетъ на задній планъ; это видно уже изъ того, что не найдется ни одной литературной формы, за которую-бы онъ не брался, а, между тѣмъ, содержаніе онъ въ нихъ вкладывалъ всегда одно и то же. Не даромъ онъ самъ говорилъ, что въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, и онъ дѣйствительно всѣ, кромѣ скучнаго, и перепробовалъ. Важно то, что всѣ повѣсти и романы Вольтера, говоря нынѣшнимъ языкомъ, тенденціозны, и притомъ разрабатываютъ, преимущественно, вопросы философскіе и научныя. Понятное дѣло, что эта тенденціозность не можетъ уже удовлетворить людей, пережившихъ и передумавшихъ со времени Вольтера такъ много. Многие изъ вопросовъ, занимавшихъ Вольтера, не занимаютъ насъ вовсе, многіе рѣшаются съ всемъ иной точки зрѣнія. Словомъ, вообще говоря, беллетристическія произведенія, переведенныя г. Дмитриевымъ, имѣютъ для

*) 1870, сентябрь и октябрь.

насъ только историческое значеніе. А между тѣмъ они такъ остроумны, такъ ловко сдѣланы, что могутъ внести нѣкоторую путаницу въ головы иныхъ читателей. Вотъ почему мы думаемъ, что предисловіе къ книгѣ г. Дмитріева было-бы необходимо. Но оно было-бы нужно еще въ виду и другихъ причинъ.

Относительное значеніе такъ - называемой литературы просвѣщенія и ея отдѣльныхъ представителей далеко не установлено. Историки философіи обыкновенно относятся свысока къ этой блестящей плеядѣ талантовъ, укоряя ихъ въ поверхностности, легкомыслии и недостаткѣ оригинальности. Если эти упреки и справедливы до известной степени, то историки дѣлаютъ, тѣмъ не менѣе, непростительную ошибку, удѣляя такъ мало вниманія литературѣ просвѣщенія. Одинъ уважаемый русскій писатель справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Послѣдній блестящій рядъ философскихъ системъ въ Германіи возникъ на профессорскихъ кафедрахъ и, представляясь безусловнымъ идеаломъ философскаго движенія всѣмъ историкамъ философіи, заставляетъ ихъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на всякое стремленіе къ цѣльному міросозерцанію и послѣдовательной практикѣ жизни, несходное съ построениями Канта, Фихте, Шеллинга или Гегеля. Подобныя стремленія даже вовсе исключаются изъ исторіи философіи. Такъ, Куно Фишеръ отъ Лейбница перешелъ прямо къ Канту, едва коснувшись великаго движенія XVIII вѣка, охватившаго всю Европу, и даже для Френсиса Бэкона отвелъ *особое* мѣсто. Но исторія философіи очень суживаетъ свою область, ограничиваясь системами, созданными личностями, и скользя надъ міросозерцаніями, охватывающими цѣлыя классы населенія, проявляющимися въ сотнѣ литературныхъ произведеній и проникающими въ самую жизнь общества (что далеко не всегда бываетъ съ личными системами философовъ)». (Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ лабораторіи артиллерійской академіи, 90). Въ такомъ отношеніи къ литературѣ просвѣщенія грѣшна большая часть историковъ философіи, не исключая и знакомаго русской публикѣ Льюиса, стѣсненнаго, впрочемъ, планомъ своей *биографической* исторіи философіи. Историки литературы, какъ ближе соприкасающіеся съ живою дѣйствительностью, смотреть на дѣло иногда нѣсколько иначе, и у Геттнера читатель можетъ найти вполне спокойный и безпристрастный очеркъ литературы и философіи XVIII вѣка. Но это все-таки явленіе рѣдкое и, вообще говоря, въ обществѣ не только русскомъ, а и европей-

скомъ, господствуютъ самыя странныя и сбивчивыя понятія о литературѣ просвѣщенія. Гораздо болѣе малтретированія историковъ философіи этому обстоятельству способствуетъ историческое положеніе литературы просвѣщенія въ виду революціи 1789 г. Если историки философіи совершенно игнорируютъ значеніе просвѣтителей, то, съ другой стороны, весьма многими людьми исповѣдывается противоположное мнѣніе, будто-бы литература просвѣщенія породила революцію и повинна даже въ террорѣ.

XVIII вѣкъ представляетъ поразительное зрѣлище. То было время Екатерины, Фридриха-Великаго, Тюрго, Леопольда Тосканскаго, Иосифа II, Аранды, Струэнзе, Покбала, Густава III; время дружбы между государями и философами; время знаменитой «революціи сверху» и «просвѣщеннаго деспотизма»; удивительное время, когда каждый государь желалъ быть или казаться философомъ, а философы пользовались вліяніемъ, которому могли-бы позавидовать государи. За государями тянулись высшіе классы, не подозрѣвая результатовъ движенія, а только что начинавшая поднимать голову буржуазія привѣтствовала просвѣтителей, какъ плоть отъ плоти своей. «Даже въ Татаріи (?) — какъ рассказываютъ записки Дома (Dohm's Denkwürd. т. 3, стр. 56) — хотѣли для пользы народнаго воспитанія перевести на татарскій языкъ французскую Энциклопедію» (Геттнеръ, «Исторія литературы XVIII вѣка», 423). Наше отечество не отставало въ этомъ отношеніи. Известны дружескія сношенія и переписка императрицы Екатерины съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ. Сто лѣтъ тому назадъ большая часть романовъ и повѣстей Вольтера, нынѣ переведенныхъ г. Дмитріевымъ, была уже издана по-русски. И надо замѣтить, что предки наши переводили и читали эти повѣсти, повидимому, съ большимъ тактомъ, умѣнемъ и любовью; такъ, по нѣскольку изданій вытерпѣли переводы лучшихъ романовъ, каковы «Кандидъ», «Простодушный»; такъ, дагѣе, напримеръ, «Кривой носильщикъ», «Cosi Sancta, маленькое зло ради большого блага», рассказы неважные, хотя по обыкновенію остроумные, въ которыхъ фривольный, даже просто клубничный элементъ наиболѣе бросается въ глаза и не искупается, какъ въ другихъ повѣстяхъ, ни глубиной содержанія, ни мѣткостью сатиры — вовсе не были переведены нашими предками и являются нынѣ по-русски въ первый разъ. Никогда еще критическая мысль не завоевывала себѣ во всей исторіи человѣчества такого блистательнаго положенія. Никогда борьба съ рутинной теологической, политической, философской, научной не достигала такой живости и нап्रा-

женности. Покровительствуемая сверху, поддерживаемая самым фактомъ шатанія оригинальной структуры средневѣкового механизма, она имѣла, сверхъ того, цѣлую массу необычайно талантливыхъ представителей, не создавшихъ никакой стройной, оригинальной философской системы, но взаимно того сумѣвшихъ бросить на почву общественнаго сознанія огромное количество умственнаго фермента, незамедлившаго сдѣлать свое дѣло. Нелѣпо утверждать, что первая французская революція была порожденіемъ литературы просвѣщенія. Великія историческія событія не бываютъ результатомъ одной причины или даже одного ряда причинъ: Москва загорѣлась не отъ копѣчной свѣчки. Великія событія всегда оказываются лежащими въ точкѣ сопряженія равнодѣйствующихъ цѣлой системы параллелограмовъ социальныхъ силъ. Революція была подготовлена рядомъ отрицательныхъ моментовъ, заключавшихся въ политическихъ и экономическихъ порядкахъ Франціи и Европы, и тѣми же моментами была вызвана и дѣятельность Вольтера, энциклопедистовъ и Руссо. Но несомнѣнно, что эта дѣятельность играла роль фермента и ускорила движеніе. Несомнѣнно также, что *принципы* революціи логически вытекаютъ изъ сѣмянъ, посеянныхъ просвѣтителями. Этого было достаточно, чтобы реакція, вызванная ужасами революціи, наложила свою неумѣлую, неуклюжую лапу и на литературу просвѣщенія. Всякая крутая реакція необходимо слѣпа, нелогична и неразборчива, необходимо слишкомъ размахисто ворочаетъ переданную исторію въ ея руки метлой и сметаетъ въ одну кучу вещи, неизмѣющія между собой ничего общаго. Неопредѣленные очертанія призрака «неблагонамѣренности» и «неблагонадежности» застилаютъ реакціонерамъ глаза, и оквозь этотъ туманъ они теряютъ всякую способность различать дѣйствительные размѣры и значеніе явленій. Само собою разумѣется, что рядомъ съ этою неспособностью видѣть, неизбѣжно фигурируетъ и нежеланіе смотрѣть. Такова была и реакція, вызванная французской революціей. Не только у всѣхъ Татарій внезапно отпала охота переводить Энциклопедію, но всѣ просвѣтители поголовно не замедлили превратиться въ атеистовъ и террористовъ, разрушителей и разрушителей. Вольтеръ и Анахарсисъ Клоптъ, Ла-Меттри и Робеспьеръ, Марать и Гольбахъ оказались замеченными въ одинъ уголокъ, надъ которымъ высился ярлыкъ «неблагонамѣренности». Путаница дошла до того, что, напримѣръ, у насъ въ Россіи именно самый умѣренный, хоть можетъ быть и самый яркій, представитель литературы просвѣщенія—Вольтеръ обра-

тился въ «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй», чуть не въ поджигателя и, во всякомъ случаѣ, въ «вольтерьянца». А это слово было еще не такъ давно такъ же страшно и позорно, какъ теперь страшно и позорно кличка «нигилистъ», и, надо прибавить, такъ же бессмысленно. Быть можетъ, одни вольтеровскія кресла уцѣлѣли отъ этого погрома. Реакція, разумѣется, не хотѣла и не могла оцѣнить ясно совокупность фактовъ, изъ которыхъ вышла различная стороны революціи. Она не давала себѣ труда припомнить, напримѣръ, указанія благороднаго Вобана или Буагильбера, задолго до лихорадочной дѣятельности просвѣтителей страшными красками обрисовавшихъ положеніе Франціи и почти предсказывавшихъ революцію. Реакціонеры не давали себѣ труда подумать о томъ, въ какихъ дѣйствительно отношеніяхъ стоитъ терроръ къ литературѣ просвѣщенія. Помимо изученія самыхъ произведеній литературы XVIII вѣка, рвеніе реакціонеровъ могло-бы быть, повидимому, остановлено множествомъ фактовъ, просто бьющихъ по глазамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, гражданскій идеализмъ, такъ сильно сказавшійся въ періодъ революціи, и антропологическій и космологическій реализмъ, болѣе или менѣе послѣдовательно проводившійся французскими философами XVIII вѣка,—родные братья, такіе же братья, какими на противоположной сторонѣ являются философскій идеализмъ и гражданскій материализмъ. Но это родство исключительно логическое, принципиальное, и эмпирическія условія могутъ совершенно разорвать его въ данной личности. Французская литература просвѣщенія ничего оригинальнаго не создала; она питалась англійскою мыслью, Локкомъ и Ньютономъ, то не подвигаясь дальше ихъ ни на шагъ, то логически слѣдуя впередъ по пути, указанному англичанами. Вся задача просвѣтителей состояла въ томъ, чтобы популяризировать англійскія идеи, разсыпать ихъ по всей Европѣ, оживить ихъ и вывести изъ нихъ нѣкоторыя слѣдствія, передъ которыми остановились англійскіе философы. Почему же въ Англіи материализмъ и родственныя съ нимъ міросозерцанія были не только не революціонны въ области дѣйствія, но, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ строго консервативны и даже прямо ретроградны? До Локка и Ньютона Англія выставила Гоббса—материалиста и вмѣстѣ рьянаго сторонника абсолютизма въ политикѣ. Послѣ нихъ явился Юмъ, отчасти, такъ сказать, отданный Англіи Франціей,—и этотъ крайній революціонеръ въ области мысли былъ политическій консерваторъ. Вотъ этого-то реакціонеры не видѣли или не хотѣли видѣть.

Скажутъ, можетъ быть, что дѣло именно въ логическомъ родствѣ между просвѣтителями и революціей. Но это родство не идетъ дальше принциповъ революціи 89 года и нисколько не касается ихъ фактическаго осуществленія, способовъ и формъ ихъ введенія въ жизнь. Спрашивается: кто же изъ людей, уважающихъ свое достоинство, рѣшится отказать въ уваженіи этимъ принципамъ въ ихъ абстрактной формѣ? Даже г. Скрягинъ любилъ излагать въ покойной «Вѣсти», что «будущее принадлежитъ демократіи, но» и проч. Даже реакціонеры представляли себѣ всю литературу просвѣщенія, какъ нѣчто совершенно однородное, сплошное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этой однородности должны быть указаны относительно очень тѣсныя предѣлы: Вольтеръ презиралъ доктрины Ла-Меттри, Ла-Меттри не могъ не смѣяться надъ ученіями Руссо, Руссо съ ужасомъ сторонился отъ Гельвеціяса, Вольтеръ и Дидро расходились въ самыхъ существенныхъ вопросахъ и т. д. Защита свободы мысли, проповѣдь терпимости, борьба съ рутинной—вотъ единственное, правда очень широкое поле, общее всемъ безъ исключенія представителямъ литературы просвѣщенія, и затѣмъ литература эта представляетъ цѣлый арсеналъ доводовъ въ пользу самыхъ разнообразныхъ теологическихъ, политическихъ и философскихъ тезисовъ. Мало того, Дидро, напримѣръ, прошелъ нѣсколько ступеней развитія, существовавшими между собою различныхъ. И тѣмъ не менѣе именно съ реакціи начала нынѣшняго столѣтія невѣроятно усилилась мода огульнаго уличенія въ неблагонамѣренности и неблагонадежности вообще, тогда какъ прежде имѣлись болѣе спеціальныя и гораздо яснѣе очерченныя обвиненія. Есть вѣчный полемическій приѣмъ, состоящій въ томъ, чтобы возвышать мнѣнія противника въ квадратъ, въ кубъ и т. д. Такъ, напримѣръ, если мой противникъ не признаетъ догмата папской непогрѣшимости, то я могу съ большимъ удобствомъ обозвать его атеистомъ; если онъ говоритъ о крестьянскомъ самоуправленіи, я могу рекомендовать его, какъ республиканца и т. п. Приѣмъ этотъ существуетъ испоконъ-вѣку и можетъ быть еще Адамъ пустилъ его въ ходъ, обвиняя Еву предъ лицомъ Бога и тѣмъ прикрывая собственный грѣхъ. Но онъ получилъ особенную силу и значеніе съ начала нынѣшняго вѣка, когда всѣ распатанные революціей общественные элементы, забывъ свою исконную вражду и несовмѣстимость, протянули другъ другу руки и заключили до поры до времени миръ. До революціи было ясно, что строго-монархическій принципъ враждебенъ феодализму и дворянскимъ привилегіямъ.

Людовикъ XIV доказалъ это своимъ царствованіемъ; до революціи было ясно, что свѣтская и духовная власть уже вышли изъ равновѣсія средневѣковой доктрины двухъ мечей и стоятъ другъ противъ друга въ качествѣ враговъ. Реакція, вызванная революціей, сгладила эти шероховатости, прикрыла хвостомъ логическія пропасти. И вотъ мы видимъ, что революціонеръ и атеистъ, даже демократъ и атеистъ, республиканецъ и матеріалистъ, матеріалистъ и проповѣдникъ безнравственности отождествляются, свертываются въ какой-то бессмысленный, фантастическій клубокъ, въ которомъ сами свертыватели не разберутъ ни конца, ни начала. Обвиненія во всевозможныхъ *измахъ* сыплются даже на людей, неповинныхъ ни въ одномъ изъ нихъ, сыплются единственно по недоразумѣнію и невѣжеству, по легкости, съ которою дѣйствуетъ расходившаяся метла реакціи. Последующія событія, выдвинувъ буржуазію на мѣсто дворянства, не выдавили, однако, окончательно послѣдняго; поставивъ фабриканта и кушача на мѣсто, дотогдѣ нераздѣльно занимаемое крупнымъ поземельнымъ собственникомъ, они сдѣлали элементъ воинствующій элементомъ торжествующимъ, и, такимъ образомъ, прибавили свою лепту къ фантастическому клубку. Къ ряду страшныхъ *измовъ* прибавились новые *измы*, и теперь обществу еще труднѣе оглянуться, вернуться къ источникамъ этой нелѣпой исторіи и по достоинству оцѣнить значеніе литературы просвѣщенія.

Даже мыслящіе люди, сознающіе тотъ несомнѣнный фактъ, что въ средѣ самой литературы просвѣщенія шла живая борьба, что здѣсь проходитъ нѣсколько существенно-различныхъ и сталкивающихся между собою теченій, не всегда умѣютъ опредѣлять истинное значеніе этихъ теченій. Такъ, недавно вышедшая книга г-жи Ройе (*De l'origine de l'homme. Paris, 1870*) занимается неблагоприятнымъ дѣломъ полемики съ Руссо и восхваленія Вольтера, сводя ихъ ученія на одну ставку съ теоріей Дарвина. Дѣло ведется въ такомъ тонѣ, что вотъ, дескать, у насъ есть два знамени—Вольтеръ и Руссо, и дагѣе доказывается, что первое несравненно важнѣе и плодотворнѣе второго. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что знамена Вольтера и Руссо давно уже для насъ необязательны; что по нѣкоторымъ пунктамъ къ намъ ближе Вольтеръ, а по другимъ—Руссо; что, не говоря уже о томъ, что Вольтеръ осыпалъ градомъ насмѣшекъ одного изъ предшественниковъ Дарвина—Демалъе, наиболѣе выдающіяся части его міросозерцанія отнюдь не совпадаютъ съ современною наукою и философіею. Съ

другой стороны, мы полагаемъ, что Руссо, нѣкоторыми своими сторонами, совершенно примыкаетъ къ правильно понятой теоріи Дарвина. Вообще, къ Вольтеру несправедливо. Одни видятъ именно въ немъ воплощеніе разрушительныхъ стремленій XVIII вѣка, тогда какъ онъ былъ, напротивъ, человекомъ середины во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ его современниковъ. Другіе, напротивъ, преувеличиваютъ его значеніе, видя въ немъ дѣйствительно «царя мысли» XVIII вѣка, что также несправедливо. Вольтеръ былъ дольше и больше всѣхъ просвѣтителей на виду—вотъ, по нашему мнѣнію, причина этихъ незаслуженныхъ обвиненій и восхваленій. Онъ первый началъ борьбу или, лучше сказать, первый послѣ Бейля и англійскихъ мыслителей. Онъ прожилъ 85 лѣтъ, начавъ работать съ 20-ти. Онъ былъ въ сношеніяхъ чуть не со всѣми европейскими государями, благодаря своему богатству, могъ жить роскошно, быть, какъ онъ самъ себя называлъ, *Gaubergiste de l'Europe*, имѣть свой театръ, давать балы и проч. Это вишнія причины. Рядомъ съ ними стояли причины внутреннія. Его юркость, увертливость, его энергія, страшная полемическая сила и уничтожающее остроуміе, наконецъ, его умѣнье облекать свои мысли въ легкую, остроумную форму—въ этомъ онъ положительно не имѣлъ соперниковъ—дѣлали изъ него для Европы и всевидящее и всѣми видимое око. Не только тихая жизнь Дидро, а и мрачныя приключенія Руссо не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ бурною, блестящею жизнью Вольтера. И физическія условія, въ родѣ продолжительности жизни, и счастливыя особенности ума, и даже несчастныя особенности характера—все способствовало славѣ Вольтера въ ущербъ извѣстности другихъ просвѣтителей. Теперь мало уже читаютъ писателей XVIII вѣка, и фигура Вольтера часто по преданію заслоняетъ собою главнымъ образомъ Дидро, который, съ неменьшимъ талантомъ, усердіемъ, многосторонностью и успѣхомъ, преслѣдуя общую задачу вѣка, былъ, однако, въ то же время гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ основныхъ идей.

При имени Вольтера въ насъ невольно поднимается представленіе смѣлаго, неустрашимого бойца. Но такое представленіе соответствуетъ истинѣ только при извѣстныхъ, весьма значительныхъ ограниченіяхъ. Вольтеру не трудно было быть смѣлымъ, когда онъ, благодаря своему вліянію въ высшихъ сферахъ, могъ, на примѣръ, по дѣлу Каласа или Сирвена, поднять на ноги цѣлую Европу. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ дорожилъ связанными съ этимъ вліяніемъ бла-

гами. Вольтеру ничего не стоило, когда ему, на примѣръ, захотѣлось попасть въ академію, льстить іезуитамъ, отречься отъ своихъ идей и т. д. (см. Штраусъ, стр. 108 и слѣд.). Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ, при малѣйшей опасности, отпирался отъ своихъ книгъ, скрывалъ свое авторство и даже возвелъ этотъ образъ дѣйствія въ систему; онъ писалъ Гельвеціусу: «Не нужно никогда ставить своего имени, а не написалъ даже и *Rucelle*» (Геттнеръ). Но мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду не этого рода недостатковъ смѣлости, а недостатокъ смѣлости мысли. При этомъ мы вовсе не имѣемъ въ виду мѣрять міросозерцаніе Вольтера современной мѣркой и уличать его въ томъ, что онъ не дошелъ до выводовъ, сдѣланныхъ позднѣйшими поколѣніями, отчасти, благодаря его же дѣятельности. Нѣтъ, это было бы нелѣпо и несправедливо. Мы сравниваемъ Вольтера только съ его современниками, съ другими просвѣтителями. Вольтеръ рассуждаетъ почти всегда съ задней мыслью, совершенно постороннею предмету изслѣдованія, и эта задняя мысль иногда совершенно неожиданно останавливаетъ его логическую нить и сворачиваетъ ее въ сторону. И если мы захотимъ искать причинъ такой непослѣдовательности и недостатка смѣлости, то найдемъ ихъ въ несчастномъ нравственномъ характерѣ Вольтера. Вопросъ о томъ, насколько пятна на нравственномъ характерѣ Вольтера отразились на его литературной дѣятельности, занимать многихъ, что очень естественно; дѣятельность эта была такъ блестяща, характеръ этотъ былъ такъ тусклъ. Въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу? Отвѣты получаются большею частію неудовлетворительныя, потому что значеніе нравственнаго элемента то преувеличивается, то слишкомъ суживается, а иногда и совершенно отрицается. Штраусъ справедливо говоритъ, что нельзя рубить человека на двое и, подобно Фридриху-Великому, предоставить весь свѣтъ Вольтера въ распоряженіе его таланта, а всю тьму взвалить на характеръ. Но Штраусъ ограничивается, къ сожалѣнію, неопредѣленнымъ указаніемъ, что и умственный элементъ въ Вольтерѣ небезупреченъ, да и нравственный—не сплошная тьма. Онъ не пытается опредѣлить точки соприкосновенія этихъ элементовъ, моменты ихъ границъ, не знаетъ ихъ взаимныхъ вторженій.

XVIII вѣкъ боролся за свободу мысли и терпимость противъ рутины, преданія и фанатизма. Ничто не должно ускользать отъ критики, отъ свободнаго изслѣдованія, ничто не должно отзываться неподсудностью разуму, ничто не должно быть принято на вѣру,—

таковъ общій девизъ всѣхъ просвѣтителей. Во имя его Руссо требовалъ отчета у всего величественнаго зданія цивилизаціи въ цѣломъ; во имя его Дидро и энциклопедисты допрашивали все, чѣмъ жила старая Еврспя; во имя его Вольтеръ боролся съ догматизмомъ религіи. Дружная, горячая борьба на этомъ общемъ полѣ составляетъ великую заслугу XVIII вѣка вообще и въ частности Вольтера. Его лихорадочное участіе въ дѣлахъ Каласа, Сирвена и проч. свидѣтельствуеъ, что онъ не ограничивался словесною борьбою и только проповѣдью терпимости. Очевидно, что онъ отдался этому дѣлу весь и работалъ не только словомъ, а и дѣломъ. Преслѣдуя въ общемъ одну и ту же широкую цѣль, просвѣтители по одиночкѣ болѣе или менѣе специализировали свои задачи. Вольтеръ избралъ борьбу съ религіознымъ догматизмомъ и фанатизмомъ. Здѣсь лежитъ центръ тяжести его дѣятельности, тотъ пунктъ, къ которому примыкаютъ всѣ другія стороны его міросозерцанія. Съ раннихъ лѣтъ Вольтеръ вышелъ на эту дорогу, и уже въ первыхъ его произведеніяхъ идетъ живая борьба противъ фанатизма и притязаній духовенства. Вольтеръ былъ неистощимъ въ формахъ этой борьбы: лирическое стихотвореніе, докладная записка, трагедія, памфлетъ—все шло въ дѣло. Но наиболѣе удавались Вольтеру тѣ маленькіе рассказы, которые вошли въ составъ книги г. Дмитриева. Никто лучше Вольтера не умѣлъ ополить проявленія религіознаго фанатизма, никто не писалъ такихъ злыхъ и остроумныхъ карикатуръ. Прочтите, напримѣръ, хоть «Исторію путешествій Скарментадо» (Романы и повѣсти, 123). Молодой человѣкъ отправляется путешествовать. Въ Англіи онъ встрѣчаетъ слѣдующее: «Благочестивые католики рѣшились, для блага церкви, взорвать на воздухъ короля, королевское семейство и весь парламентъ и освободить Англію отъ еретиковъ. Мнѣ указали мѣсто, на которомъ, по повелѣнію, блаженной памяти, королевы Маріи, дочери Генриха VIII, было сожжено болѣе пятисотъ ея подданныхъ. Одинъ ирландскій священникъ увѣрялъ меня, что это былъ прекрасный поступокъ: во-первыхъ, потому, что убитые были англичане, а во-вторыхъ, потому, что они никогда не пили святой воды и не вѣрили въ вертепъ святого Патрика. Онъ крайне удивлялся тому, что королева Марія до сихъ поръ не причтена къ лику святыхъ; но онъ надѣялся, что это случится, какъ только у кардинала племянника будетъ побольше свободнаго времени». Скарментадо ѣдетъ въ Голландію, попадаетъ въ Гагъ на казнь Барневельдта и спрашиваетъ, не измѣнилъ ли онъ отечеству. «Онъ сдѣлалъ гораздо хуже—отвѣ-

чалъ мнѣ проповѣдникъ въ черной мантии—онъ думалъ, что добрыми дѣлами можно спастись такъ же хорошо, какъ и вѣрою. Вы понимаете, что если подобныя мнѣнія утвердятся, то республика не можетъ существовать, а чтобы предупредить этотъ соблазнъ, необходимы строгіе законы». Одинъ глубокомысленный туземный политикъ замѣтилъ мнѣ со вздохомъ: «Ахъ, милостивый государь, хорошимъ временамъ придетъ когда-нибудь конецъ; усердіе этого народа—случайное; по существу своего характера, онъ склоненъ принять гнусный догматъ терпимости; одна мысль о томъ, что это когда-нибудь случится, приводитъ меня въ трепеть». Отправляется Скарментадо въ Испанію и застаеъ въ Севильѣ праздникъ. На огромной площади, усыпанной народомъ, стоялъ высокій тронъ, предназначенный для короля и его семейства, а напротивъ его стоялъ другой, еще болѣе высокій. На него взомелъ великій инквизиторъ, благословляя короля и народъ. «Затѣмъ, покорно вошло цѣлое войско монаховъ, бѣлыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, обутыхъ и босыхъ, бородатыхъ и безбородыхъ, съ остроконечными капюшонами и безъ нихъ; за монахами слѣдовали палачъ; наконецъ, полицейскіе чиновники и вельможи сопровождали около сорока человѣкъ, покрытыхъ мѣшками, разрисованными чертами и пламенемъ; то были іудеи, несогласавшіеся отречься отъ Моисея, христіане, женившіеся на кумахъ, или непоклонившіеся образу Богородицы въ Атохѣ, или нежелавшіе отдать свои наличныя деньги въ пользу братьевъ-іеронимитовъ. Прежде всего набожно прогѣли нѣсколько прекрасныхъ молитвъ, затѣмъ, преступниковъ сожгли на медленномъ огнѣ, что, казалось, послужило къ великому назиданію всей королевской фамиліи». Затѣмъ, Скарментадо самъ попадаетъ за нѣсколько менѣе чѣмъ неосторожныхъ словъ въ тюрьму инквизиціи, платитъ штрафъ, узнаеъ, что испанцы въ Америкѣ сожгли, зарѣзали и утопили до десяти милліоновъ туземцевъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру», и ѣдетъ въ Турцію. Тамъ онъ застаеъ грызню между латинскими и греческими христіанами, попадаетъ въ непріятныя исторіи, потому что латиняне подозрѣваютъ его въ сочувствіи къ грекамъ, и наоборотъ. Наконецъ, «утромъ явился имамъ, чтобы совершить надо мной обрядъ обрѣзанія, и такъ какъ я нѣсколько сопротивлялся, то кади той части города, въ которой я жилъ, будучи человѣкомъ добросовѣстнымъ, предложилъ мнѣ посадить меня на колъ». Дѣло окончилось штрафомъ. Скарментадо ѣдетъ въ Персію, гдѣ попадаетъ, какъ между двухъ огней, между партиями «чернаго и бѣлаго барана». Въ Китаѣ его

также съ двухъ сторонъ осадили «преподобные отцы іезуиты» и «преподобные отцы доминиканцы», враждующіе изъ-за увлеченія китайскихъ душъ, и т. д. Въ «Письмахъ Амабеда» пускается въ ходъ другой приемъ. Рядомъ съ разказомъ о насиліяхъ и мерзостяхъ, совершенныхъ монахами надъ молодымъ индусомъ Амабедомъ и его невѣстой, осмѣивается историческая теорія Боссеета, по которой въ древности существовалъ только одинъ историческій народъ—еврейскій, какъ предтеча христіанства. Въ «Бѣломъ быкѣ» опять новый приемъ. Пользуясь свободой, предоставляемой ему фантастичностью и восточнымъ колоритомъ разказа, Вольтеръ, безъ всякой видимой надобности, приплетаетъ змѣя-соблазнителя и другія библейскія фигуры.

Это, впрочемъ, составляетъ единственный пунктъ, на которомъ Вольтеръ является крайнимъ радикаломъ. Мы сейчасъ увидимъ, что это обстоятельство не только не мѣшало, а и помогало ему быть весьма умѣреннымъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, быть, что называется, человѣкомъ золотой середины. Онъ очень хорошо понималъ всю трудность предпринятой имъ борьбы и искалъ союзниковъ. Союзники были указаны и личными вѣвсами Вольтера, и его положеніемъ въ обществѣ, и, наконецъ, колоритомъ историческаго момента. Союзники эти были ни болѣе, ни менѣе, какъ европейскія правительства. «Революція сверху» и «просвѣщенный деспотизмъ» никогда не владѣли на исторію такой печати, какъ въ XVIII вѣкѣ; вмѣстѣ съ литературой просвѣщенія, съ философскимъ движеніемъ,—это наиболѣе характеристическая черта прошлаго столѣтія. Свободомыслящіе государи и министры, въ родѣ Турго, Помбала, Аранды, очень тяготились тѣмъ, слишкомъ высокимъ положеніемъ, которое занимало въ государствѣ духовенство. Будучи отчасти проникнуты тѣми же идеями, которыя разносили по свѣту просвѣтителю, находясь даже отчасти подъ прямымъ вліаніемъ просвѣтителей, они опирались, кромѣ философскихъ соображеній, на государственныя нужды. Такимъ образомъ, философы и правительства, дѣйствительно, были союзниками, и, напримѣръ, уничтоженіе ордена іезуитовъ было дѣломъ ихъ обоюдныхъ усилій. Вольтеръ очень хорошо понималъ цѣну такого оборонительнаго и наступательнаго союза противъ общаго врага. «Не подумали о томъ—писалъ онъ въ 1765 году къ д'Аламберу,—что дѣло королей есть вмѣстѣ и дѣло философовъ; а между тѣмъ, ясно, что мудрецы, не признающіе двухъ властей, составляютъ хорошую опору королевской власти». Или въ 1768 году: «Философы вортаютъ когда-

нибудь государямъ все то, что у нихъ отняли папы, но государи, пожалуй, все-таки будутъ посылать философовъ въ Бастилію; такъ мы убиваемъ быковъ, обрабатывавшихъ наши поля» (Штраусъ, стр. 323). Опасеніе, выраженное въ послѣднихъ строкахъ, не особенно смущало Вольтера. Онъ былъ совершенно удовлетворенъ современными ему европейскими порядками. Это видно изъ нѣкоторыхъ его повѣстей (см. напримѣръ, «Вавилонскую принцессу», «Похвальное слово разуму») и изъ многихъ другихъ его собственноручныхъ показаній. Такъ, въ 1767 году онъ писалъ д'Аламберу: «Благословимъ революцію, совершившуюся въ умахъ за послѣднія 15—20 лѣтъ; она превзошла мои ожиданія». Или въ томъ же году и къ тому же: «Клянусь Богомъ, вѣкъ разума наступилъ. Вѣчная благодарность тебѣ, о природа!» (Штраусъ, стр. 321).

Просвѣщенный деспотизмъ и революція сверху имѣютъ въ себѣ нѣчто обаятельное и нѣчто дѣйствительно цѣнное. Недаромъ эта идея играетъ такую важную роль въ надеждахъ и планахъ общественныхъ реформаторовъ, желающихъ быстро движенія впередъ. Реформаторы эти очень хорошо понимаютъ, что свобода есть понятіе отвлеченное и получаетъ практическое значеніе только сообразно тому реальному содержанию, которое вкладывается въ идею свободы; тогда какъ такъ-называемые либералы бьютъ тревогу при всякомъ разговорѣ о правительственномъ вмѣшателствѣ, какія бы цѣли оно ни имѣло, а съ другой стороны, благодаря отвлеченному характеру идеи свободы, связываютъ съ нею, помощью различныхъ диалектическихъ нитей, такія явленія, ни цѣли, ни результаты которыхъ отнюдь не служатъ дѣлу торжества свободы. Къ которой изъ этихъ политическихъ фракцій долженъ быть отнесенъ Вольтеръ? Безъ всякаго сомнѣнія, ни къ которой, потому что въ его время вопросъ о границахъ правительственнаго вмѣшательства не занималъ и не могъ занимать общество въ такой мѣрѣ, чтобы онъ могъ быть теоретизированъ. Физіократы только что обрисовывали «новую науку», то есть политическую экономію. Ни экономическая теорія *laissez faire*, ни соотвѣтственныя ей, якобы либеральныя, политическія теоріи, ни противоположныя имъ ученія еще не развертывались. Повидимому, Вольтеръ былъ ближе къ сторонникамъ правительственнаго вмѣшательства, чѣмъ къ чистокровнымъ либераламъ. Но всѣ подобныя сближенія, сводящіяся къ тому, что человѣка прошлаго столѣтія мѣрятъ мѣркою настоящаго, необходимо слишкомъ поверхностны. Притомъ-же, Вольтера вопросы политическіе и общественныя занимали въ не-

сравненно меньшей степени, тѣмъ вопросы философскіе. Онъ занимался ими только изрѣдка и, между прочимъ, не углублялся въ нихъ такъ, какъ въ вопросы о конечныхъ пѣляхъ, о добрѣ и злѣ, о душѣ, и проч. Благодаря этому, съ одной стороны, и тому, что довлѣющій самому себѣ либерализмъ еще не обособился, какъ самостоятельное политическое направленіе, мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ и перепискѣ Вольтера самыя противорѣчивыя вещи. Любопытнѣе всего отношенія Вольтера къ монархическому принципу. Историческая роль этого принципа очевидна. Пока онъ занятъ отрицательной работой, приниженіемъ феодальныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ и которыхъ ему слѣдуетъ опасаться,—онъ представляетъ собою принципъ, необходимо прогрессивный. Вольтеръ, важный баринъ, помѣщикъ, камергеръ и кавалеръ, но, тѣмъ не менѣе, вышедшій изъ средняго сословія и всегда принадлежавшій ему по общему складу своего ума, не могъ не понимать этого. И мы, дѣйствительно, видимъ въ Вольтерѣ, рядомъ съ уваженіемъ къ монархическому принципу, отрицательное отношеніе къ такимъ движеніямъ, какъ, напримѣръ, фронтъ, въ которыхъ теперь многіе публицисты увидѣли бы, можетъ быть, нѣчто либеральное, но которыя въ невинное время отсутствія либерализма были въ глазахъ всѣхъ просто дворянскими, феодальными движеніями. Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Я пишу эти строки въ Германіи, въ началѣ августа. Кругомъ слышатся патриотическія рѣчи нѣмцевъ о единствѣ Германіи; южно-германскія государства, фактически проглоченныя Пруссіей еще въ 1866 г. и неизбѣжно имѣющія быть проглоченными и формально не въ 1871, такъ въ 1881, въ 1891 году, признали *sans foederis* и дерутся съ французами за единую Германію. Представляетъ ли эта въ сотый разъ всплывающая идея единства Германіи принципъ прогрессивный? Ходячій либерализмъ, если только онъ не руководится какими-нибудь сторонними, мѣстными соображеніями, необходимо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но рѣшенія ходячаго либерализма, хотя бы онъ и не имѣлъ въ виду стороннихъ соображеній, и смотрѣлъ на событія съ высоты птичьяго полета, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Глубокій и оригинальный умъ Прудона выставилъ диаметрально противоположное рѣшеніе вопроса. Онъ полагаетъ именно, что объединеніе Германіи и объединеніе Италиі, представляя теченіе, встрѣчное федеративному принципу, суть явленія регрессивныя. Но въ стотысячный разъ должно оказаться, что всѣ подобныя абсолютныя рѣшенія такъ же

слабы въ политикѣ, какъ слабы они въ философіи и въ наукѣ. Въ стотысячный разъ должно оказаться, что всякій политическій фактъ, какъ и всякій другой фактъ, обставленъ многочисленными *есми* и требуетъ оцѣнки относительной. Федерация для федерациі такъ же малоцѣнна, какъ и объединеніе для объединенія. Исчезновеніе Георговъ и Францисковъ не составляетъ большой потери и съ точки зрѣнія правильно понятаго федеративнаго принципа. Если бы въ каждомъ швейцарскомъ кантонѣ сидѣло по Людовику или Франциску, то, какъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія аналогіи, они (кантоны) необходимо подверглись бы нѣкоторому объединительному процессу и затѣмъ уже только могли бы принять свой теперешній видъ. Объединеніе составляетъ въ извѣстный моментъ необходимое и дѣйствительно прогрессивное явленіе, но опять-таки не безусловно прогрессивное, потому что тутъ же является вопросъ: можетъ ли Пруссія или Пьемонтъ, т.-е. вообще объединяющее начало вести объединенные элементы впередъ по пути развитія? Сообразно отвѣту на этотъ вопросъ, можно или желать немедленнаго объединенія, или желать, чтобы исторія отложила этотъ процессъ, пока объединяющій элементъ не выростетъ. Разъ объединеніе, помимо нашихъ желаній или нежеланій, произошло, мы должны смотрѣть, куда ведетъ объединенные народы Пруссія или Пьемонтъ. Роль монархическаго принципа совершенно аналогична роли объединяющаго государственнаго элемента и даже часто совершенно примыкаетъ къ ней. Представимъ себѣ, напримѣръ, обширную федерацию русскихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ каждый чинитъ у себя дома судъ и расправу, чеканитъ монету, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, издаетъ законы, и проч. Такая федерация несомнѣнно совершенно удовлетворила бы нашихъ либераловъ изъ партіи покойной «Вѣсти» и даже могла бы быть, съ точки зрѣнія чистокровнаго либерализма, не безъ успѣха поддерживаема. Однако, если бы одинъ изъ членовъ этой фантастической федерациі сталъ постепенно возвышаться и, наконецъ, поглотилъ бы своихъ соперниковъ, то это было бы явленіемъ не только очень естественнымъ, а и несомнѣнно прогрессивнымъ: инымъ путемъ развитіе страны и не могло бы совершаться. Такъ именно и выросъ монархическій принципъ на Западѣ. Но разъ отрицательная работа кончена, разъ феодальное дворянство унижено силою оружія или обращено въ служилое сословіе, прогрессивная задача монархическаго принципа усложняется. Онъ можетъ вести народъ впередъ, остановиться на мѣстѣ, идти назадъ, идти въ ту или другую сторону.